

Голованенко С. А. [Рец. на:] Косман М. Л. Динамика внутренней жизни: Система психологии. М., 1917 // Богословский вестник 1917. Т. 1. № 2/3. С. 375–378 (2-я пагин.).

К Р И Т И К А.

М. Л. Косманъ. Динамика внутренней жизни. Система психологии. Москва, 1917 г. изд. „Трудъ“, стр. IV+516.

„Борьба субъекта съ объектомъ, борьба живого индивида, брошеннаго судьбою въ мировое движеніе... Это Leitmotivъ всей моей психологии—это сама дѣйствительность“...

Въ системахъ современной психологии, подъ несомнѣннымъ влияніемъ обще-философскихъ настроеній, идея психологическаго субъекта или расплывается въ текучестяхъ полуобморочнаго сознанія, или прикрѣпляется къ комплексамъ кое-какъ координированныхъ элементовъ. Въ „Динамикѣ внутренней жизни“ рѣчь идетъ о субъектѣ, какъ живой, реальной силѣ. Эта сила кроется, прежде всего, въ родовыхъ, филогенетическихъ корняхъ: живой индивидъ есть макрокосмъ, есть государство живыхъ клѣтокъ. Все живое—панпсихично, и психическое, дифференцируясь въ сложныхъ организмахъ, не уничтожаетъ своихъ рудиментовъ даже въ отдѣльныхъ клѣткахъ. Но, и простѣйшая клѣтка, и сложный организмъ представляютъ собою психофизиологическій клубокъ: живое, какъ психофизиологическое, не слитное и нераздѣльное, двуединство есть перво-тайна жизни и перво-данность психологии. М. Л. Косманъ, отвергая крайности спиритуализма и матеріализма и отклоняясь отъ невнятнаго лицемѣрія параллелизма, принимаетъ эту перво-тайну и, тѣмъ самымъ, утверждаетъ реальность субъекта, какъ психофизиологическаго цѣлаго. Въ самой жизни субъекта, непочерпаемо-богатой и безконечно-разнообразной,—все динамично, и попытки ввести психическое въ жесткіе берега всегда приводили къ однограннымъ теоріямъ. Психологи видѣли фокусъ внутренней жизни въ представленіяхъ (Гербартъ), въ чувствахъ (Горвицъ), въ волѣ (Вундтъ), между тѣмъ

какъ жизнь субъекта, несводимая ни къ какимъ приматамъ, трех-основна, тріединна. „Трех-основное единство нашего существа, заполненное чувствомъ, волей и интеллектомъ, въ глубоко-интимномъ сліяніи проявляется въ каждой вспышкѣ, въ каждой реакціи—именно въ этомъ трехгранномъ сліяніи“. Естественно, что живой субъектъ не можетъ относиться къ окружающему его міру ни рабски-пассивно, ни математически-функционально: онъ борется съ міромъ, и во всякой реакціи субъекта есть три момента: импульсивный, задерживательный и императивный. „Протеканіе реакціи слагается изъ внутренняго влеченія, импульса, столкновенія ихъ въ перцепціи и вспыхивающихъ вслѣдъ физиологическихъ, психическихъ измѣненій и порывовъ къ внѣшнему движенію. Все многообразіе реакцій, кристаллизующееся постепенно чрезъ трехгранныя—интеллектуальныя, эмоціональныя, волевныя—сужденія въ міръ сознанія, — опредѣляется и направляется глубинными влеченіями субъекта“. „Міръ опредѣляетъ направленіе движеній субъекта только своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ, само же движеніе и его направленіе первопричинно опредѣляются самимъ субъектомъ“. И субъектъ, въ своихъ первоосновахъ, какъ „динамическое волевое тріединство“, какъ самосознающее „я“—свободенъ; на поверхности же, какъ приспособляющійся къ внѣшнимъ импульсамъ, какъ сознающій объекты и перепутанный ассоціаціями, въ особенности, интеллектуальнаго типа—онъ детерминированъ. Хотя реакціи объекта „протекаютъ по одновременно дѣйствующимъ законамъ ассоціацій и волевого тріединства“, но послѣднее пріятіе и окончательная оцѣнка принадлежитъ самосознающему свободному субъекту, который можетъ претворять жизнь текущаго сознанія, разрывая ткани ассоціацій. Эта борьба самосознанія съ текущимъ сознаніемъ, будучи видоизмѣненіемъ борьбы субъекта съ объектомъ, есть борьба за жизнь, за свободное творчество...

Мы, не затрагивая богатаго содержанія „Динамики внутренней жизни“, очертили лишь пограничные края системы Космана, потому что они проясняютъ смыслъ всей системы. Сразу же ясно, что и біологическое подножіе системы и ея верхи тѣсно связаны съ обще-философскими. Если психологія, по Косману, есть „ученіе о борьбѣ субъекта съ объек-

томъ“, то всё наши недоумѣнія и вопросы, въ предѣлахъ поставленной задачи, однимъ пучкомъ падаютъ на слово *объектъ*. Намъ кажется, что Косманъ, по праву освобождающій психологическаго субъекта отъ рабской зависимости, все таки напуганъ объектомъ: пониманіе объекта въ его книгѣ замѣтно двоится. Во-первыхъ, внѣшній міръ представляется міромъ количества: какъ будто-бы внѣ субъекта есть только разностепенное безкачественное, глухонѣмое, движеніе, а самъ субъектъ есть какая-то всѣтворящая монада.

Если психологи видѣли въ субъектѣ зеркальное отраженіе объектовъ, то Косманъ иногда готовъ отказать міру въ жизни, расплывъ въ круговоротѣ движеній его стихій. Но это первое,—неясное и врывающееся некстати въ систему, пониманіе объекта уступаетъ второму, гдѣ объектъ мстительно-силенъ. Есть страницы, послѣ которыхъ хочется сказать: по-старому царятъ объекты, хотя и подъ шумъ восхваленій субъекта. Двоящееся пониманіе объекта высвѣтляется въ двойной борьбѣ субъекта: субъектъ борется съ непосредственнымъ объектомъ, въ перцепціи и съ опосредствованнымъ, въ самосознаніи, въ послѣднемъ случаѣ, содержаніе сознанія является отраженіемъ міра объектовъ. Спрашивается, въ чемъ заключается творчество перваго порядка? Если внѣ субъекта нѣтъ живого міра объектовъ, а жизнь вспыхиваетъ въ перцепціи, въ потенціалахъ клѣтокъ, то нѣтъ творческаго отношенія между субъектомъ и объектомъ. Если творчество субъекта въ направленіи и регуляціи внѣшнихъ силъ, то объективный міръ—сила реально-качественная. Здѣсь въ системѣ Космана несомнѣнный изъяснъ, уводящій насъ въ область гносеологіи. Отчетливѣе творчество второго порядка въ борьбѣ самосознанія съ текущимъ сознаніемъ, зеркаломъ объектовъ. Личность, подавляемая содержаніемъ самосознанія, можетъ разорвать его и проявить свою интелектуальную энергію“. „Міръ даетъ намъ содержаніе, въ которомъ мы невольны, но претворяя это содержаніе, мы сами создаемъ свои потенціалы и если мы при ихъ разряженіи невольны опять въ ихъ содержаніи, и міръ отраженный держитъ насъ въ рамкахъ пережитого, то всетаки вольны бороться за направленіе своихъ переживаній и, если мы въ силахъ, побѣдить“. Но неужели въ этомъ творчество и свобода? Вѣдь субъектъ, невольникъ даннаго содержанія, только оформляетъ,

направляетъ?... Развѣ предъ нами не то же метафизическое раздвоеніе, которое замѣтнѣе всего у Риккерта и Бергсона? То міръ объектовъ расплывается въ движеніяхъ, то самосознающее „я“, ипсеволевая энергія оказываются направляющимъ регулятивнымъ влеченіемъ безъ своего особаго содержанія, безъ своихъ рождающихъ нѣдръ... Въ лучшемъ случаѣ эти глубинныя влеченія—капли и струйки обще-творческаго витальнаго потока. Такъ черезчуръ близкое сосѣдство съ біологіей обезличиваетъ психологическаго субъекта. Обратной стороной такого обезличенія является обычный животное-жизненный эгоизмъ. И Косманъ, неминуемо вторгаясь въ этико-метафизическія сферы, признаетъ эгоистическое первоосновной стихіей живого. Альтруистическія и идеальныя стремленія (религія, нравственность) нарастаютъ гораздо позже и, какъ наросты, менѣе устойчивы и менѣе значительны. Самъ собою напрашивается двоящійся выродъ: самосознающій субъектъ, если и можетъ съ надеждою бороться, то или во имя всѣ-жизни, во имя ничье, или во имя свое—эгоистическое, и его ипсеволевая энергія, по истокамъ, будетъ солипселевой... Такъ подспудное философское освѣщеніе расплавляетъ психологическаго субъекта. Въ чемъ же дѣло? До тѣхъ поръ, пока психологія не признаетъ новое духовное бытіе, пока она не будетъ явно освѣщаться обще-философскими излученіями, она не сможетъ правильно начертить ученія о психологическомъ субъектѣ. Въ этомъ отношеніи характерны колебанія Космана; Косманъ, отрекаясь частично отъ научности, отъ экспериментальной и описательной психологіи, самъ остается въ заново-отведенной чертѣ научности, вѣритъ въ эволюцію, въ свои психологическіе законы и даже въ построенія Геккеля; и все это потому, что авторъ не осознаетъ своихъ обще-философскихъ предпосылокъ. Итакъ, явное сосѣдство психологіи Космана съ біологіей и тайныя обще-философскія утвержденія, раскрывающіяся въ двух-значномъ пониманіи объекта, искажаютъ идею психологическаго субъекта, обципываютъ то цѣнно-вѣчное зерно, которое и придаетъ многимъ отдѣламъ книги Космана исключительную живость.

С. Голованенко.